

— Слива и снег спорят о весне, но ни одна не желает уступить.

Легкий ветерок стряхнул лепестки с ветвей, донесся голос, чистый, словно звон нефрита.

Ученики замерли, прекратив свой спор, и ошеломленно уставились в ту сторону, откуда донесся звук.

Лу Гуйюань, наблюдавший за происходящим из павильона, округлил глаза. Вся пустота и тяжесть, что терзали его душу, вмиг исчезли, будто внутри него внезапно сработали сотни пружин, заставив сердце радостно и неистово колотиться.

— Поэт отложил кисть, тщетно пытаясь подобрать слова.

Сквозь густые заросли сливовых деревьев, в переплетении цветущих ветвей, мелькнул подол белого одеяния. Черные, как тушь, гладкие, словно шелк, волосы рассыпались по алому, как огонь, лисьему меху, на который опустилось несколько белых лепестков.

Красный, черный и белый — эти три цвета, оттеняя друг друга, смотрелись так, словно искусный художник добавил на свою яркую картину последний, одухотворяющий штрих, идеально завершив композицию.

— Слива должна уступить снегу три части белизны.

Сливовая роща редела, постепенно открывая путника. Его рука, тонкая и изящная, с четко очерченными суставами, была совершенна до последней черточки — казалось, великий мастер потратил всю свою жизнь, чтобы изваять это чудо.

Длинные пальцы нежно коснулись белого цветка. Слива была чиста, как снег, но все же уступала белизне кожи своего владельца. Это в точности соответствовало строке: Слива должна уступить снегу три части белизны.

— Но снег проигрывает сливе в аромате.

Незнакомец наконец вышел из рощи и предстал перед всеми.

Кожа холодная, словно нефрит, черты лица ослепительно прекрасны. На голове — нефритовая заколка, на лбу — налобная повязка с вышивкой, украшенная белым нефритом. Лицо — чистое изваяние, брови — словно нарисованные, а в уголках миндалевидных глаз застыла легкая улыбка, в которой читались одновременно и страсть, и холод.

Глядя на этого невероятного красавца в алом лисьем меху, плавно выходящего из сливового сада, все невольно подумали, что перед ними небожитель, спустившийся из чертогов богов в

шумный мир смертных. В голове каждого возникло лишь одно определение: несравненный.

— Я прогуливался по саду и случайно услышал ваш оживленный спор. Не удержался и позволил себе дополнить стихи, надеюсь, вы не сочтете это дерзостью.

Под сливовыми деревьями красавец, все еще держа в пальцах цветок, едва заметно улыбнулся. Его улыбка была легкой, как рябь на воде под ясным солнцем, и отзывалась эхом в сердцах окружающих.

Ученикам вспомнился рассказ из недавно вышедшего сборника Ночные беседы в сливовой обители: несколько ученых спорили в саду о поэзии, пока их не прервал прекрасный незнакомец. Он оказался настолько талантлив, что разбил все доводы спорщиков, и те, покоренные, пригласили его разделить с ними вино. А после, когда он исчез, они решили, что это был дух сливового дерева.

Человек перед ними был столь безупречен и величествен, что казался неземным. К тому же он произнес слова, почти в точности повторяющие те, что звучали в легенде.

А главное — его стихи были подлинным шедевром.

Неужели это и вправду дух сливы?

Ученики были ошеломлены и взволнованы.

В павильоне Лу Гуйюань застыл, глядя на него. В груди теснилось странное чувство, словно некая стихия грозила разорвать его изнутри.

Он чувствовал себя путником в пустыне, нашедшим родник, или голодным зверем, увидевшим добычу. Ему хотелось броситься вниз, не раздумывая, и заключить этого человека в объятия.

Казалось, они созданы, чтобы быть вместе, неразлучные, без страха разлуки и одиночества — только рядом друг с другом они обретали целостность.

Но тело словно приросло к полу, он не мог пошевелиться.

Щеки стали холодными, он поднял руку и коснулся лица — оказывается, он плакал.

Система была потрясена:

— Хозяин, почему ты плачешь?

Лу Гуйюань опешил и машинально ответил:

— Не плачу я. Должно быть, случайно занес в глаза острый соус с кухни.

Система тоже решила, что это логичнее — не мог же грозный Король зомби, став человеком, превратиться в плаксу?

Внизу Сюй Чжиюй первым пришел в себя и, сложив руки, дружелюбно поклонился:

— Моя фамилия Сюй, имя Чжиюй, второе имя Цинъи. Могу ли я узнать, как зовут вас?

Незнакомец элегантно ответил, каждое его движение было исполнено изящества:

— Моя фамилия Ли, имя Хуаймин, второе имя Минъюэ.

Сюй Чжиюй воскликнул:

— Луна в объятиях, словно зовет, ветер в лицо — как будто старый друг. Прекрасное имя!

Ли Хуаймин улыбнулся:

— Не сравнить с вами, господин Сюй. Вы словно дерево из яшмы, чистое и величественное.

Они обменялись улыбками, почувствовав мгновенную близость.

Сюй Чжиюй, восхищенный, предложил:

— Называть вас господином слишком официально. Мы так быстро нашли общий язык, не станем ли мы братьями?

Ли Хуаймин легко согласился:

— Я немного старше, так что назовусь старшим братом. Брат Цинъи.

Сюй Чжиюй:

— Брат Минъюэ.

Остальные ученики, опомнившись, тоже поспешили представиться и предложили дружбу. Ли

Хуаймин вежливо ответил каждому, быстро став душой компании.

Кто-то предложил:

— Ваши стихи поразили нас до глубины души. Не могли бы вы написать что-нибудь еще, чтобы мы могли восхититься вашим талантом?

Ли Хуаймин кивнул:

— Почему бы и нет? — Он подошел к столу и взял кисть.

Служанки, краснея, бросились растирать тушь, но лишь одной удалось это сделать. Она украдкой поглядывала на профиль Ли Хуаймина и тут же опускала глаза, чувствуя себя неловко — она и представить не могла, что на свете бывают мужчины красивее женщин.

Ли Хуаймин взглянул на тему, на мгновение задумался и начал писать. Его движения были легкими и уверенными, словно ведомыми свыше.

Все вытянули шеи, пытаясь разглядеть написанное, и с каждой строкой их глаза светились все ярче, пока не раздались восторженные крики:

— Изумительно!

— Превосходный слог!

Лу Гуйюань тоже хотел взглянуть, но павильон находился чуть поодаль, а толпа загораживала обзор. Несмотря на его острое зрение, он ничего не видел, и это нестерпимое любопытство заставило его податься вперед.

Система, испугавшись, превратилась в светящийся шар и потянула его за одежду:

— Хозяин, будь осторожен, не дай главному герою заметить тебя!

Лу Гуйюань, не оборачиваясь, проворчал:

— Не бойся, Сюй Чжияй сейчас слишком увлечен, он не поднимет головы.

Мысль о том, что он вынужден наблюдать издалека, пока Сюй Чжияй вовсю общается с Ли Хуаймином, раздражала его. Он высунулся из окна еще сильнее, уперся руками в подоконник и даже поставил одну ногу на край, выставив наружу большую часть тела.

Словно что-то почувствовав, Ли Хуаймин внезапно поднял голову и посмотрел в сторону павильона. Их взгляды встретились. Оба замерли, и воздух вокруг словно застыл.

Лу Гуйюань не успел даже обрадоваться, как осознал, в какой нелепой позе находится.

Впервые встретиться с таким человеком — и предстать в столь неподобающем виде! Он представил, какое ужасное впечатление оставил.

Он окаменел, руки соскользнули с подоконника, и, когда Система дернула его назад, он с грохотом повалился на пол.

Лу Гуйюань не видел, как в уголках губ Ли Хуаймина заиграла теплая, как весеннее солнце, улыбка. Он стал похож на распускающийся пион — ослепительно прекрасный.

Все вокруг замерли, не в силах оторвать взгляд. Сердца бешено колотились: Боже, как может существовать такой красивый человек? Он прекраснее любых духов из легенд, это точно спустившийся с небес небожитель!

Когда все пришли в себя, их охватило любопытство: что же так развеселило Ли Хуаймина? Они огляделись, но ничего особенного не заметили.

Кто-то спросил:

— Брат Миньюэ, что вы увидели? Почему так улыбаетесь?

Ли Хуаймин ответил с легким смешком:

— Одну большую собаку. Черные глаза, белый нос, похожа на волка, но такая глупая и забавная.

Сюй Чжиюй удивился:

— Что это за собака такая? Разве бывают такие?

Ли Хуаймин улыбнулся:

— Бывают. Их называют глупыми псами.

В павильоне Лу Гуйюань озадаченно спросил Систему:

— Черные глаза, белый нос, похожа на волка, но глупая — это же хаски? В этом мире есть хаски?

— Есть, на другом континенте, за морем. Но, кажется, одна такая прямо сейчас перед нами. — Система молча посмотрела на него.

Поняв намек, Лу Гуйюань взбеленился:

— Сама ты хаски! Вся твоя семья — хаски!

Система невинно ответила:

— Это не я сказала, а твой красавец. Почему ты не кричишь на него?

Лу Гуйюань осекся, пробормотал что-то под нос и твердо заявил:

— Разве красавец может насмехаться? Нет, это ласковое прозвище! К тому же он знает о хаски с западного континента — какой он эрудит! — говорил он с таким видом, будто хвалили его самого.

Система опешила:

— А как же твои слова о том, что ты натурал до мозга костей и любишь только женщин? Очнись, даже если он красив, он мужчина!

Лу Гуйюань долго молчал, а потом выдал:

— Красота не имеет пола. Ты не человек, тебе не понять.

Система была в шоке:

— Не забывай о своей миссии.

— Да-да, я просто смотрю, люблюсь издали, не мешай мне, — отмахнулся Лу Гуйюань, не сводя глаз с Ли Хуаймина.

...Никак не ожидал, что этот парень — такой извращенец!

Внизу, в саду, Ли Хуаймин закончил статью. Ученики принялись читать ее по очереди.

Сначала они были поражены его почерком — свободным, изящным и уверенным. Одного этого было достаточно, чтобы затмить всех присутствующих.

Стиль был кратким и емким, без пустых украшательств, но при этом живым и увлекательным. Многие начали читать вслух.

Содержание статьи, от простого к сложному, подкрепленное убедительными доводами, заставляло задуматься.

Однако...

Ли Хуаймин мягко спросил:

— У вас странные лица. Моя статья чем-то нехороша?

Сюй Чжуйюй неловко ответил:

— Нет, напротив, она великолепна. Мы просто не ожидали, что такой возвышенный человек, как вы, так... разбирается в мирских делах.

Тема статьи касалась управления государством и насущных нужд народа. Ли Хуаймин предложил решения, которые касались даже тонкостей земледелия и животноводства — вещей, которыми обычно не интересуются ученые мужи.

Для них это выглядело так, будто небожитель вдруг начал рассуждать о повседневных заботах простых людей.

Ли Хуаймин безразлично улыбнулся:

— В делах народа нет ничего низкого. Зачем мы учимся, сдаем экзамены и стремимся на службу? Не для того ли, чтобы навести порядок в стране и обеспечить благополучие людям? Если не знать нужд народа, как можно стать хорошим чиновником?

Хотя многие шли на службу ради власти и денег, в душе каждого молодого ученого жила мечта о великих свершениях.

Все были глубоко тронуты его словами. Ли Хуаймин привел примеры хороших и плохих чиновников, и все присутствующие, кивая, выразили свое полное согласие.

Теперь Ли Хуаймин стал признанным лидером этого собрания. Его попросили оценить их работы, и он без обиняков указал на ошибки, предложив дельные советы.

Он выглядел как наставник, обучающий студентов, и было ясно, что он на голову выше всех остальных.

Лу Гуйюань, глядя на сияющего Ли Хуаймина, спросил Систему:

— Он точно не важная персона? Может, он должен был стать чжуаньюанем, но Юй Сюань выбрал Сюй Чжиюя, чтобы угодить своим прихотям?

Он чувствовал, что Ли Хуаймин — настоящий чжуаньюань, и сама судьба задолжала ему этот титул.

Система закатила бы глаза, если бы могла:

— Не выдумывай. Его нет в книге, он прохожий. Чжуаньюань — главный герой, и точка. Если бы Юй Сюань увидел такую красоту, он бы и не взглянул на Сюй Чжиюя.

Система сама была в замешательстве: как персонаж с такой внешностью и талантом мог отсутствовать в сюжете? Она перепроверила все данные, но ничего не нашла. Может, он просто не участвовал в экзаменах и уехал из столицы?

— Тебе стоит радоваться, что он не в сюжете. Ты же знаешь, какая судьба ждет тех, кто попадает в лапы к Юй Сюаню.

— ... — Лу Гуйюань был убежден.

Затем он приказал страже пригласить Ли Хуаймина подняться.

Система чуть не сломалась:

— Что ты делаешь? Ты же хотел держаться подальше!

Лу Гуйюань парировал:

— Юй Сюань должен держаться подальше, а не я. Я — Лу Гуйюань. Главное — чтобы он не узнал, что перед ним император.

В глубине души он просто не мог позволить себе наблюдать издали. Ему нужно было хотя бы поговорить с ним.

Он пообещал:

— Я просто поговорю с ним, ничего больше, клянусь!

Система:

— ...

<http://bllate.org/book/21607/2228549>